

ПРИЗНАТЬСЯ, беседы с Валентином Смирнитским я не планировала – готовилась к интервью с другим актером, приехавшим в Магнитогорск со спектаклем «Слухи». Но, увидев замечательного актера, не смогла перебороть искушения. Беседа переросла в увлекательный диалог, обаяние и вальяжность Валентина Георгиевича этому явно способствовали.

Есть актеры, которые любят играть самих себя, – это смотрится наиболее гармонично на сцене. А есть те, кто любит преодолевать свой характер...

– Я, скорее, отношусь ко второму типу – играть себя мне неинтересно. А вообще, если задуматься, это вопрос не такой уж однозначный: даже играя образ, совершенно не соответствующий твоему складу, ты все равно копаешься в себе самом и находишь какие-то черты, которые, как тебе кажется, отождествляют тебя с персонажем. Пытаясь вылепить его, ты все равно ищешь способы такой лепки в своей психологии.

– Выходя на сцену, вы, представитель старой доброй актерской гвардии, ожидаете от зрителей реакции открытой и прямолинейной – смеха или слез, грубо говоря? Или вам больше по душе холодноватая интеллигентность, говорящая об избранности публики, ее искушенности в постановках?

– Если говорить обо мне как о человеке, то мне вообще не понятна холодная интеллигентность. Театр – это искусство, производящее на людей магическое воздействие, способное преодолеть зрительскую искушенность. Хотя, конечно, сейчас об этом говорить трудно – театр стал другим, но я, отработав на сцене не один десяток лет, застал такие времена в искусстве, когда в зале чувствовалась магия сценического действия. И я это видел, чувствовал: неважно, кто был в зале – театральные снобы или простые обыватели, эта аура висела в атмосфере. И мне посчастливилось работать с такими актерами – они занимались этой магией. И эти спектакли производили такое же впечатление на меня, когда я сидел в зале, хотя, казалось бы, я-то уже точно искушен в театральном искусстве.

– Вы намеренно говорите об этом в прошедшем времени?

– К сожалению, такие спектакли я вижу все реже и реже.

– В чем причина: это слабость сценариев, неразборчивость публики или актерский и режиссерский непрофессионализм?..

– Наверное, просто поменялось многое. Это ведь вопрос не только к актерам, но и к политикам, социологам...

Поменялась страна, экономика – все поменялось. Мы стали другими, молодежь на нас совсем не похожа. Я все-таки отношусь себя к числу людей, воспитанных в Советском Союзе: я вырос, выучился, стал знаменитым артистом в СССР – снимался в советских фильмах, играл в советском театре...

– Получали советские деньги...

– (Смеется.) Да уж, верно подметили... Сейчас все поменялось, и я не знаю, хорошо это или плохо. Простора стало больше, но это, мне кажется, опасный простор. Хотя, это, опять же, вечный вопрос: что такое хорошо и что такое плохо? Мне, все-таки уже ретро-персонажу, журналисты часто задают вопрос: где вам живется лучше? Мне лучше было, конечно же, там, где я был молод. При бесспорном отрицании многого, что было в СССР и, в частности, в советском театре, мне, тем не менее, очень дороги воспоминания молодости. И, как любой человек, я не могу этого преодолеть: первая влюбленность – в том числе, в профессию, в режиссеров, партнеров и так далее – много-много тех самых первозданных чувств, которые возродить и снова пережить невозможно, а потому это кажется самым

«Слухи» с Валентином Смирнитским

Шлейф Портоза не помешал его актерской карьере

прекрасным воспоминанием в жизни. Хотя сам я достаточно самоироничен и люблю относиться к себе с известной долей критики.

– Шлейф Портоза долго пришлось отрабатывать?

– Да как ни странно, все прошло относительно легко. Когда меня утвердили, я был молод, конечно, но за моей спиной была уже достаточно серьезная театральная школа, а в театре я играл очень разноплановые роли: и серьезные, и характерные, и даже эксцентричные. Портоза я «схватил» легко, тем более, у режиссера были очень четкие намечки на каждого персонажа.

– Еще и ваша фактура принесла пользу...

– Видите ли, у меня на то время как раз фактуры-то и не было – я не был толстым, огромным... Честь и хвала гримерам, костюмерам, декораторам – все пытались меня увеличить всеми возможными способами, чтобы я максимально соответствовал описанию Дюма. Я попытался добавить к внешним черты внутренние, манеру поведения, и все говорят, что получилось убедительно.

– А вы не были удивлены, что вам предложили именно эту роль?

– Странно, но такой вопрос мне никто никогда не задавал... Да, я был удивлен этим выбором. Потому что в те годы я видел себя каким-нибудь Атосом, Арамисом... Д'Артаньяном, разумеется, не видел, но и Портосом тоже себя уж никак не считал.

– Недавно Андрей Сигле сказал мне, что мы считаем идеальным советское кино во многом потому, что другого в те годы и не видели. Другими словами, он не уверен, что на тех же «Мушкетеров» сегодня бы

люди ломались в кинотеатры. Вы согласны?

– Ой, затрудняюсь ответить. Андрею виднее – он ведь продюсер, а их профессия обязывает смотреть вперед и просчитывать ситуацию, в том числе коммерческую. Разумеется, мне хотелось бы думать, что это не так и наш фильм будет актуальным на все века и времена, как говорится... Но ему все же виднее.

– Получается, вы послушный актер?

– В общем, да. Я, честно говоря, вообще стараюсь в работе как можно меньше конфликтовать, потому что ни к чему хорошему это, как правило, не приводит.

– А это вам трудно дается? Вы по натуре человек спокойный или вспыльчивый и несдержанный?

– Вспыльчивый и несдержанный. Но сейчас уже меньше – помудрел с седыми висками (Смеется.). Наверное, срабатывает уже чисто рациональный подход: уж если взялся за что-то, то легче всего для эффективного воплощения найти компромисс, чем идти на открытый конфликт.

– Почему-то мне кажется, это личный опыт.

– Конечно, личный опыт, хотя вот так навскидку вспомнить конкретную ситуацию, после которой я бы перестал в ругани искать правду жизни, я не могу. У меня было множество случаев, особенно в молодости, когда я шел на открытый конфликт и совершал глупые поступки – знаете, когда уже «падает заслонка» и ты ничего не соображаешь.

– А это поступки умнее, мудрее, чем сейчас, вы совершали по молодости? Вот, скажем, вспоминаете что-нибудь и говорите: да, молодец я был, сейчас бы уже так не смог.

– (Задумывается.) Нет, свои неудачи я вспоминаю, а вот удачу... Наоборот,

я все чаще начинаю думать: господи, вот что я мог бы сейчас сделать, если бы тогда-то поступил так... Мне в юные годы не хватало опыта, мудрости, такта – всего того, что приходит, наверное, только с годами, с возрастом, опытом... К сожалению, я только сожалею – такой каламбур. Почему-то, если уж начинаю по этому поводу размышлять, то именно такие мысли возникают.

– Вы не завидуете людям, которые абсолютно уверены в собственной правоте: что бы я ни сделал, я сделал правильно? По-моему, им легче живется.

– Нет, я им не завидую – я им сочувствую: это не есть человеческий ум, это все-таки человеческая глупость. Я абсолютно уверен, что излишняя самоуверенность, спесь, снобизм не свойственны умным людям. А в нашей профессии это, к тому же, вообще очень опасная вещь, потому что, будучи публичной, наша работа сама по себе подталкивает на этот путь: ты все время на виду, находишься в том или ином смысле в постоянном центре внимания, на тебя пальцем показывают, тебя узнают и так далее, и так далее. И это всегда искушает тебя поверить в собственную значимость: я весь из себя хороший, талантливый, любимый и востребованный. Это опасная вещь, я этого побаиваюсь.

– Почему?

– А это может сбить не в ту сторону твой компас. Один нюанс, другой – и ты незаметно для себя перескакиваешь и теряешься. И вскоре может показаться, что ты один идешь в правильном направлении, а остальные, разумеется, ошибаются. И таких примеров огромное множество: я в своей жизни часто наблюдал, как человек нормальный, вполне адекватный, вменяемый превращается в того, у кого, как говорят, крышу сносит от собственной значимости.

– Это распушенность или болезнь, вы как считаете?

– Болезнь, безусловно, потому что это связано с головой. Поэтому мне жалко таких актеров. Ведь актерская популярность – вещь проходящая, как ни банально это звучит. У всех нас бывают звездные минуты, а потом часы, дни и даже годы забвения. Жизнь – это взлеты и падения, вот вам еще одна банальность. Вот они, казалось бы, минуты счастья, славы – и вдруг ты проваливаешься в яму забвения, невостребованности... Человек умный это просчитывает. А многим кажется, что, раз уж ты взлетел, значит, у тебя за спиной выросли крылья, и ты всегда будешь на высоте. Но потом вдруг оказывается, что это вовсе и не крылья, а крылышки, и летать ты сможешь не всегда, потому что нужна постоянная творческая подпитка, а ты ее, в силу своей значимости, уже считаешь ненужной.

– Сын Любови Полищук Алексей Макаров назвал актеров людьми с «навсегда зашибленным чувством самолюбия».

– Ну, это как раз не у всех. Я людей с зашибленным самолюбием знаю немало и очень их уважаю. Самолюбие остальных вовсе не зашиблено. Причем, это касается и зрелых актеров, и молодых – их особенно. И ведь сейчас такое время дурацкое – с сериалами этими, когда вчера мальчик был еще Васей Пупкиным, а сегодня мнит себя звездой. Я недавно приехал со съемок: снимаются две девочки, одна певичка, причем, не певица, а именно певичка, другая вообще модель. Вы бы видели, как они себя вели! И слова правильно произносить не могут, и пару фраз текста выучить не в состоянии – но зато пафосу столько! Честно говоря, готов был послать все к черту.

– А что – их отношение и к вам относилось?

– А как же! Но подошел ко мне режиссер: да ладно, не обращай внимания, ты же понимаешь – имена известные, нужны для раскрутки. Взял себя в руки, разумеется, но, честно говоря, было неприятно и некомфортно, что приходится опускаться на их уровень.

– Ой, а я бы не сдержалась – что-нибудь бы ляпнула.

– А зачем? Все равно не поймут, а я бы прослыл старым ворчуном, вот и все (Смеется.). Их жизнь потом научит, причем, будет больно, потому что их компас уже сбит.

– Первая влюбленность в профессию у вас с течением лет переросла в крепкую любовь?

– (Задумывается.) Не знаю... Не знаю...

– Вот это сенсация для желтой прессы!

– Трудно сказать: отношение к профессии претерпевало изменения: влюбленность, любовь, потом разочарование и даже безысходность, когда все рушилось... Периодов было много.

– А сейчас что?

– А сейчас... Наверное, я уже нигде от нее не денусь – знаете, как у Чехова: неси свой крест и веруй. Неотвратимость бытия (Смеется.). Больше ничего в жизни я делать не могу.

– А могли бы?

– Да, мне представлялись такие возможности: мне настойчиво предлагали поступить во ВГИК – сразу на третий курс на режиссерский факультет, потом были еще какие-то предложения... Но я не решился – не хватило человеческой отваги. Частью из меркантильных интересов, потому что был уже популярным актером, да еще с семьей, а тут опять пришлось бы жить на стипендию. И потом, опять студенческая жизнь с ее неутомимым течением, да и полная неуверенность в том, что что-то из этого получится... Ну, будет у меня режиссерский диплом – а дальше что? Может, был не прав, потому что надо уметь совершать радикальные поступки, решаться на что-то. А может, и прав – может, поломал бы свою жизнь, к тому времени сложившуюся, и ничего бы не получил взамен – ни в материальном, ни в творческом плане ☹

РИТА ДАЛЕТШИНА
ФОТО > ЕВГЕНИЙ РУХМАЛЕВ

> Холодная интеллигентность, театральные снобизм – это не для мастера